

J. H. SCHREINER, Aristotle and Perikles. A study in historiography, Osloae, 1968 (Symbolae Osloenses, fasc. supplet. XXI), 138 стр.

Заглавие книги норвежского ученого И. Г. Шрейнера обещает разбор тех мест в произведениях Аристотеля, которые посвящены Периклу и его деятельности. Главным образом речь должна идти об «Афинской Политии», отчасти о «Политике». В действительности автор ставит перед собой гораздо более широкую задачу — выяснить, какие источники лежат в основе всей исторической части «Афинской Политии» Аристотеля.

Решение этого важного источниковедческого вопроса у Шрейнера резко отличается от решений, предлагавшихся до сих пор другими учеными. Поэтому особого внимания требуют к себе самые предпосылки всех рассуждений Шрейнера, выдвинутые им во II главе книги (стр. 13—20).

Предпосылки эти следующие:

1. Аристотель, работая над «Афинской Политией», естественно всего должен был обратиться к специальной литературе, непосредственно относившейся к его теме, т. е. к произведениям, в кото-

рых излагалась история Афин, к так называемым «Аттидам», притом к новейшим, опубликованным незадолго до этого времени.

2. Столь занятый автор едва ли имел перед собой более двух или максимум трех свитков, т. е. два или максимум три сочинения по истории Аттики.

3. У Аристотеля не было времени разбираться в «лабиринте греческой историографии IV века», не говоря уже о всемирной истории Эфора.

4. Труды Геродота и Фукидида могли быть полезны Аристотелю только для ограниченных периодов истории Афин. В отдельных случаях Аристотель заглядывал в них, о чем свидетельствует прямая ссылка на Геродота (14,4). Отсутствие указателей очень затрудняло наведение справок в свитках объемистых произведений Геродота и Фукидида.

5. Можно допустить обращение Аристотеля к документальному материалу, хранившемуся в архиве. Нам известно, что его перу принадлежит особое сочи-

нения об аксонах Солона, на которых были написаны законы, — это явное доказательство интереса Аристотеля к подлинным документам. Однако о непосредственном отражении официальных материалов в «Афинской Политии» Аристотеля мы имеем право говорить только в тех местах трактата, где этот материал прямо приводится.

6. Никто из исследователей, писавших об «Афинской Политии» Аристотеля, не сомневается в том, что последний использовал в качестве одного из своих источников «Аттиду» Климдема. Своеобразие точки зрения Шрейнера заключается в том, что он предлагает ссылки Аристотеля на *Аттиду* относить к одному только Клидему.

7. За ссылкой на *Эвисты* («некоторые»), по толкованию Шрейнера не демократы и не олигархи, скрывается аттидограф Андротион, «Аттида» которого появилась в конце 40-х гг. IV в. Этот Андротион был сыном Андрона, умеренного олигарха конца V в., из круга лиц, группировавшихся вокруг Ферамена. Отданный отцом в обучение Исократу, который, находясь в окружении демократов (слева) и олигархов (справа), искал себе союзников среди основателей афинской демократии (Солон, Клисфен). Андротион усвоил взгляды своего учителя, т. е. идеологически был далек как от крайней олигархии, так и от радикальной демократии. В конце 40-х гг. Андротион, опасаясь, вероятно, своего врага Демосфена, бежал в Мегары, чтобы уже больше не возвращаться в отечество. В изгнании он и написал свою «Аттиду», проникнутую, надо думать, враждебным отношением к радикальной демократии и чистой олигархии (так можно заключить на основании изучения взглядов Исократ). По всей вероятности, Ферамен, как вождь умеренных, изображался в Аттиде в самом благоприятном свете. Правда, сознается Шрейнер, у нас нет фрагментов Андротиона, подтверждающих такие предположения, зато есть, по-видимому, заимствованная у Андротиона характеристика Ферамена у Аристотеля и Эфора (у которого ее взял Диодор — XIV, 3—5) — тот и другой изображают Ферамена противником необузданной олигархии.

8. На время между опубликованием «Аттиды» Андротиона и временем работы Аристотеля над «Афинской Политией» приходится написание «Аттиды» Фанодема, от которой сохранились жалкие остатки. Обычно считается, что Аристотель не пользовался этим сочинением. Основанием для такого заключения служат два обстоятельства: во-первых, ни один фрагмент «Аттиды» Фанодема не отражен у Аристотеля; во-вторых, фрагменты Фанодема носят не политический, а антикварный характер, что дает повод думать о таком же характере всего сочи-

нения. Шрейнер на это возражает: трудно полагать, что «Аттида» Фанодема была чужда вопросам политики и чтобы Аристотель, пользовавшийся трудами Клидема и Андротиона, оставил без внимания более новый труд Фанодема. Шрейнер делает попытку проникнуть в политическое содержание труда Фанодема. В этих целях он выдвигает «закон античной историографии» (стр. 19), который формулируется так: «каждый историк противоречит своему предшественнику». Если Геродот защищал Перикла, то Гелланик критиковал его, а Фукидид возвратился к точке зрения Геродота. Андротион, придерживаясь взглядов «умеренных», на протяжении всего своего труда, конечно, опровергал демократа Клидема. Значит, заключает Шрейнер, Фанодем, друг оратора Ликурга, по всей вероятности, расходился с Андротионом во взглядах на внутреннюю историю Афин. Подтверждение своей догадки Шрейнер видит в том факте, что Фанодем получил от совета необычные почести как его член в 343/2 г., а этот год, возможно, был годом изгнания Андротиона. Фанодем, как показывает один фрагмент его «Аттиды», преувеличивал значение победы Кимона при Эвримедонте; по его показаниям, в битву вступило 600 вражеских кораблей, тогда как Эфор приводит меньшее число — 350 (Плутарх, Жизнеописание Кимона, 17). Фанодем — явно поклонник Кимона; следовательно, по мнению Шрейнера, Андротион не мог благоприятно судить о Кимоне.

9. В нашем распоряжении нет прямых данных для суждения о времени опубликования «Аттиды» Фанодема. Шрейнер стремится доказать, что она опубликована в 30-х гг. IV в. Если ее автор был булевтом в 343/2 г., то он мог родиться, самое позднее, в 373/2 г., а скорее всего немного ранее. Если так, то в 329/8 г. (последний засвидетельствованный год его жизни) он был пожилым человеком и к этому времени, вероятно, закончил свой труд. Более позднее появление «Аттиды» Фанодема исключало бы возможность использования ее Аристотелем. Сознвая слабость своего аргумента, сам Шрейнер настаивает на нем: пример девяностолетнего Исократ, говорит он, показывает, что в древности литературная деятельность могла продолжаться долго. На помощь себе Шрейнер призывает другое соображение: если произведение Андротиона, написанное в опровержение произведения Клидема, было закончено через 10 лет после появления опровергаемого сочинения, то вероятно, чтобы «Аттиду» Фанодема отделить от опровергаемой ею «Аттиды» Андротиона более чем десятилетний промежуток времени. Шрейнер пытается еще с одной стороны обосновать свое мнение о выходе в свет «Аттиды» Фанодема до 329/8 г. Фанодем любит Кимона и Крития. Правда,

прямого указания на его отношение к Критию мы не имеем, приходится прибегнуть к косвенному доказательству. Оратор Ликург в своей единственной сохранившейся речи «против Леократа» с похвалой отзываясь об одном постановлении против убитого изменника Фриниха, при этом упоминается и предложивший это постановление — Критий (§ 113). Шрейнер видит в этом доказательство благоприятного отношения оратора к Критию. Речь Ликурга датируется 331 годом. Шрейнер выражает уверенность в том, что сведения о постановлении против Фриниха взяты Ликургом из «Аттиды» Фанодема, которая, таким образом, оказывается уже написанной в 331 г.

10. Все то в «Афинской Политии» Аристотеля, что нельзя возвести к Клидему или Андротиону, все то, что связано с олигархической идеологией, вполне подходит для Фанодема, который был паряду с двумя упомянутыми аттидографами источником для Аристотеля. По-видимому, — таково мнение Шрейнера — Фанодем сочинил конституцию Драконта и обвинил Иерикла в порче народного суда. То и другое заимствовал у него Аристотель.

Перед нами цепь суждений, логически связанных между собой и имеющих своим назначением дать надежную путеводную нить для источниковедческого изучения исторической части «Афинской Политии» Аристотеля. Построение Шрейнера, внешне довольно слаженное и по своему изящное, требует все же проверки на прочность.

1. Начитанность Аристотеля, дающая себя знать во всех его произведениях, не позволяет категорически утверждать, будто он пользовался при написании «Афинской Политии» только новейшей литературой. Самый факт обращения к Геродоту (не требующий доказательства ввиду прямой ссылки на него) и Фукидиду (что трудно опровергнуть) достаточно красноречиво говорит об осведомленности Аристотеля не только в исторической литературе IV века.

2. В высшей степени неубедителен аргумент о занятости Аристотеля, не оставившей ему времени для ознакомления более чем с двумя-тремя новейшими произведениями аттидографического жанра. Вспомним, что тот же аргумент был в свое время пущен в ход Валентином Розе для доказательства неподлинности всех утраченных произведений Аристотеля¹ — тезис, даже в свое время не получивший признания. Известная нам организация труда в Ликее, привлечение учеников к участию в работах учителя лишают довод Шрейнера убедительной силы.

3. Предприимчивый колоссальный труд составления Политий, Аристотель и его сотрудники не могли не отдавать себе ясного отчета в том, что без достаточной литературной базы их предприятие окажется безнадежным. Ученые Ликее нашли время ознакомиться с литературой по истории и современному им государственному устройству даже незначительных греческих государств. Не естественнее ли думать, что и они, и сам глава школы не слишком ограничивали себя в чтении исторической и политической (памфлетной) литературы, когда дело касалось Афин?

4. Само собой разумеется, Геродот и Фукидид, великие предшественники Аристотеля, не могли дать то, чего в их произведениях не было. Однако оба историка оказались полезными Аристотелю, как это приходится признать и Шрейнеру. Геродот оказал даже влияние в некоторых местах на способ выражения Аристотеля. О трудностях наведения справки в свитках при отсутствии указателей двух мнений быть не может, но могло ли это обстоятельство заставить Аристотеля отказаться от обращения к объемистым трудам предшественников? Помимо навыка античных людей цитировать по памяти, следует принять во внимание возможность пользования выписками, сделанными в процессе подготовительной работы.

5. Относительно спорадического характера обращения Аристотеля к материалу документального характера можно согласиться с Шрейнером. Впрочем, если бы даже оказалось, что все места, содержащие намеки на документы, или сами документы in extenso заимствованы автором «Афинской Политии» из литературных произведений (чего на самом деле не было), то это не доказывало бы правильности положения Шрейнера о скудной начитанности Аристотеля в литературе по истории Афин.

6. Толкование ссылки Аристотеля на *δραστήριοι*, означающей будто бы передачу мнения одного автора — Клидема, является в полном смысле слова произвольным. Согласно точному смыслу ссылки, имеются в виду несколько авторов, как это обычно и принято понимать.

7. Ничего обязательного в отнесении ссылки на *ἐπιτομή* к одному автору (Андротиону), разумеется, нет. Характеристика аттидографа Андротиона, данная Шрейнером, отчасти основана на материале сохранившихся фрагментов его «Аттиды». Однако механическое присвоение Андротиону политических воззрений Исократу с тем, чтобы потом делать выводы не только об общей направленности труда аттидографа, но и об освещении им отдельных событий афинской истории и роли отдельных государственных деятелей, кажется нам, по меньшей мере, неосторожным.

¹ V. Rose, *Aristoteles pseudepigraphus*, Lipsiae, 1863.

8. Вопрос об использовании Аристотелем труда Фанодема, действительно, никем до сих пор не репался в положительном смысле. Причина в том, что фрагменты его «Аттиды» не содержат даже приближенного представления об общей политической направленности этого произведения. Дать преувеличенное представление о численности персидских кораблей в битве при Эвримедонте — не значит обязательно возвеличить командующего; мы не знаем, откуда идет числовой показатель Фанодема — он мог бы быть найден им у патристически настроенного автора, думавшего о прославлении своего отечества. Странное впечатление производит «закон аттической историографии», открытый Шрейнером. Даже тот единственный пример, который приводится в книге для подтверждения этого «закона», лишен убедительной силы. Восторженное отношение Геродота к Периклу, отрицательное Гелланика, положительное Фукидида объясняются вполне просто, без привлечения каких-либо «законов» историографии. Геродот жил в Афинах во времена Перикла, был в какой-то степени близок к нему, участвовал в основании города Фурий — одним из важнейших политических актов Перикла. Гелланик Лесбосский, если допустить, что он действительно занимал враждебную Периклу позицию (ни один фрагмент не подтверждает этого), мог быть выразителем настроений в полисах, принадлежавших к морскому союзу, где оппозиция против Афин во время Пелопоннесской войны была очень сильна (восстание Митилены в 428 г.). Фукидиду импонировали не только выдающиеся способности Перикла (I, 139, 4), но и общий характер руководимого им Афинского государства — λόγος μετὰ δικαιοσύνης, ἐργῶν δὲ ὅπο τῶν πρώτων ἀνδρῶν ἀρχή (II, 65, 9).

9. Очень слабы те аргументы, которые должны служить опорой для датировки «Аттиды» Фанодема — 30-е гг. IV в. Последний известный по источникам год жизни Фанодема не засвидетельствован как год его смерти, которая могла произойти несколько позднее 329/8 г. Допустив, что он родился не в 373/2 г., а в 375/4 г., мы не впадем в абсурд, отнеся опубликование его «Аттиды» даже к 320/19 г., когда автору было 55 лет. Десятилетний период времени между появлением «Аттиды» Климдема и одноименного сочинения Андротиона и отсюда — такой же период между «Аттидами» Андротиона и Фанодема остается на совести Шрейнера. В качестве *ultimum refugium* Шрейнер прибегает к ссылке Ликурга на проведенное Критием постановление. Но, прежде всего, доказывает ли ссылка автора, соратника Демосфена, на это постановление какую-то симпатию к Критию? В речи есть ссылка на постановление, которое может служить

прецедентом для решения дела о Леократе. Слова Критиеυ *εἰρητοῦς* придают ссылке документальную достоверность; более 70 лет прошло со времени гибели ненавистного демократам олигарха Крития, и имя его могло быть спокойно произнесено в афинском суде. Сведущий в законах и декретах государственный деятель Ликург вовсе не нуждался в чьей-либо «Аттиде», чтобы познакомиться с постановлением касательно Фриниха. Таким образом, оублнчнквание «Аттиды» Фанодема в 30-х гг. IV в. и возможность знакомства с ней Аристотеля остается под сомнением.

10. Прямолинейный вывод Шрейнера: часть сообщений Аристотеля может быть возведена к Клидему, часть — к Андротиону, а все прочее должно быть отнесено к Фанодему — вызывает серьезные возражения. За исключением отдельных мест «Афинской Политии», давно уже и вполне обоснованно приведенных в связь с «Аттидами» Климдема (14,4) и Андротиона (10,1 — полевмически), никакие другие места «Афинской Политии» нельзя с уверенностью и даже с достаточной долей вероятности связать с их «Аттидами». Что же касается «Аттиды» Фанодема, то как содержание сохранившихся ее фрагментов, так и неясность хронологического соотношения ее с трактатом Аристотеля настоятельно диктует воздержаться от всякого суждения.

В III главе книги Шрейнера речь идет об источниках Аристотеля, касающихся времени, предшествующего Периклу (стр. 21—62).

Автор имеет дело с тремя величинами: Клидем, Андротион, Фанодем. Фрагменты их «Аттид» содержат очень мало материала, который пригодился бы для темы Шрейнера. Поэтому он оперирует, главным образом, косвенными данными. Нужно реконструировать отношение Климдема к Тесею. Это делается следующим образом. Клидем благоприятно судил о Фемистокле (Плутарх, Жизнеописание Фемистокла, 10), строителе кораблей; Тесей, национальный герой, также построил флот (Плутарх, Жизнеописание Тесея, 19); следовательно, Клидем, в противоположность тем, кто считал роль флота в афинской истории губительной, держался того мнения, что флот был истинным достоянием афинян. Вчитаемся в то, что дают фрагменты: о Фемистокле сказано, что он, применив хитрость, раздобыл деньги для афинян, покидавших свой город при нашествии персов, — если здесь и можно уловить благоприятную для Фемистокла нотку, то она касается изобретательности и не свидетельствует еще о характере отношения аттидографа к знаменитому государственному деятелю (ср. отношение Геродота: отдается должное находчивости Фемистокла, который, однако, в целом изображается в темных красках). О флоте

Тесея сказано: когда Девкалион, сын Миноса, потребовал выдачи Дедала, Тесея отклонил требование, ссылаясь на свое родство с Дедалом, и начал строить корабли, командуя которыми он затем разбил Девкалиона. Здесь рассуждения Шрейнера могут считаться приемлемыми в той своей части, которая касается фактической стороны истории афинского флота, роли его в борьбе Афин против внешнего врага (Крит, Персия), но не для внутренней истории Афин: ведь даже олигархически настроенный (с точки зрения Шрейнера) Фанодем отдает должное действиям афинского флота при Эвримедонте. Стремление узнать больше, чем дают источники, часто заводит Шрейнера слишком далеко. Так, за неимением каких бы то ни было данных об изображении правления Тесея Клидемом, норвежский исследователь считает возможным приписать аттидографу картину демократической монархии в духе высказываний Эврипида в «Умоляющих» (ст. 350—353, 403—408, 429 слл.). Молчание фрагментов Андротиона о Тесее побуждает Шрейнера искать взгляды аттидографа на древнего афинского царя у Исократа. Около 355 г. в своем «Ареопагитике» (VII, 16) оратор представил Солона основателем умеренной демократии. Когда же Клидем превратил Тесея во второго Фемистокла, а художник Эвфранор изобразил Тесея между персонификациями Демократии и Демоса, Исократ в 342—339 гг. в «Панафинейской речи» (XII, 127 слл.) перенес роль основателя умеренной демократии с Солона на Тесея. Так, по мнению Шрейнера, должен был смотреть на Тесея и Андротион. Путем таких комбинаций получаются две точки зрения: для демократа Клидема Тесея — родоначальник радикальной демократии, для «умеренного» Андротиона — основатель умеренной демократии. Фанодем, не любя Солона, придумал по своему вкусу более раннюю конституцию Драконта. В представлении Фанодема Тесея должен был быть виновником всех несчастий, так как он наполнил город Афины всяким сбродом из мелких городов Атики.

Автор разбираемой книги усматривает у Аристотеля непосредственность. Подобно тому как он поместил в «Афинской Политии» две конституции — Драконта и Солона, так и в более ранней истории Афин он предоставил поле действия двум деятелям — Иону и Тесею. Не желая присоединяться к резкому суждению Фанодема о Тесее, он прислушивается и к голосу Андротиона, дружелюбно расположенного к Тесею, и поэтому приписывает этому царю некий более поздний синонимизм, не отрицая в то же время соответствующей заслуги Иона. Здесь мы сталкиваемся с типичным рассуждением Шрейнера. Почти неизвестные воззрения Клидема и Андротиона по-

даются в уточненном виде на основании косвенных признаков, к ним добавляются совсем не известные нам воззрения Фанодема, улавливаемые уже чисто априорным путем на основе выдвинутых в предыдущей главе довольно шатких положений. Строя таким образом историко-ведческую базу «Афинской Политии», Шрейнер затем, помогая себе новыми гипотезами, прикрепляет к этой базе сообщения Аристотеля.

Дальнейшие рассуждения Шрейнера в этой главе также вытекают из его предположений, разобранных выше; с помощью разного рода допущений и предположений наш автор хочет убедить читателя в том, что Аристотель считается с тремя источниками, каждый из которых отражал определенную политическую идеологию. Хотя мы в сущности не имеем рассказа Аристотеля о попытке Килона захватить власть, Шрейнер уверен в том, что автор «Афинской Политии», ознакомившись с разным освещением события, выбрал для себя средний путь (стр. 23). Клидем, с симпатией изображая Писистрата и Фемистокла, делал, вероятно, Килона героем; Андротион, вероятно, наоборот, защищал Алкмеонидов; Фанодем, конечно, должен был воспользоваться делом Килона в целях враждебных Алкмеонидам, но он едва ли оправдывал изгнание их Солонем, так как последнего он не любил. В своем сообщении о Килоне Аристотель следовал версиям Андротиона и Фанодема. Создание конституции Драконта Шрейнер приписывает Фанодему (стр. 29), хотя фрагменты последнего не содержат никаких намеков на нее. Формула Аристотеля при переходе от одного периода истории Афин к другому — *μετὰ δὲ ταῦτα* — произвольно толкуется Шрейнером как переход от одного источника к другому (стр. 27, 29). Все сообщения аттидографов о Солоне (за исключением толкования сисафии Андротионом) утрачены. Тем не менее, Шрейнер не только пытается примерно восстановить их, но и оперирует своими предположениями как бесспорными фактами. Конституция Солона реконструирована авторами конца V—IV вв. на основании стихотворений Солона, а также действовавших и выпешших из употребления законов. Отсюда, по Шрейнеру, возможность для каждого писателя по своему произволу изображать и самого законодателя, и его дело. Клидем — демократ, он, вероятно, защищал современный ему политической строй своего отечества и возводил его начало к деятельности мудреца и законодателя Солона. Андротион, недовольный порядками своего времени, по-своему изображал реформы Солона, который был в его глазах «умеренным». Фанодем разделял мнение Клидема о том, что Солон был основателем современной им демократии; в то же время он солидаризи-

ровался с Андروتioniом в своей антипатии к современному строю. Пуская в ход такого рода предположения, привлекая Исократ и Плутарха, непрестанно ссылаясь на возможность, вероятность, правдоподобие, проводя знак равенства между *δυστοκία* Аристотеля с Клидемом, а *σι βουλομενοι βλασφημεῖν* с Фанодемом, имея в своем распоряжении единственный бесспорный факт — своеобразное толкование Андротioniом сисахфии Солона, наш автор проникается убеждением, что Аристотель в своем понимании сисахфии решительно расходится с Андротioniом (факт бесспорный, всеми давно признанный) и воспроизводит объяснение Клидема и Фанодема (полное отсутствие упоминаний о Солоне во фрагментах этих историков делает более правдоподобным другое предположение: Аристотель следует установившейся традиции, которую проповодил опровергнуть Андротioniон) (стр. 33). Интересны подробности разбора традиции о Писистрате и Писистратидах (стр. 35—47). Сомнение вызывает только излишняя уверенность автора в том, что возможно точно определить позиции трех аттидографов по отношению к разным версиям афинских преданий, и объяснение свидетельств Аристотеля согласем их с сообщениями Клидема, сочувствовавшего Писистрату, и несогласием с сообщениями враждебных Писистрату Андротioniона и Фанодема.

Под тем же углом зрения идет и рассмотрение реформ Клисфена (стр. 47—53), и дальнейших событий, и эволюции афинской конституции вплоть до эпохи Перикла (стр. 53—62). Несмотря на отдельные более или менее приемлемые наблюдения, глава в целом остается примером рассуждения, построенного на выбком фундаментальные необоснованные предположения.

Следующая, IV глава книги Шрейнера (стр. 63—99) ничего нового в смысле методики работы не приносит. И здесь мы читаем о тех же трех источниках «Афинской Политии» Аристотеля, между которыми автор книги стремится распределить сообщения Аристотеля об эпохе Перикла с помощью тех же приемов, какими он действовал и раньше.

Как следует, по Шрейнеру, представлять себе трактовку в греческой историографии личности и дела Эфиальта (ограничение деятельности ареопага)? Положительная оценка личности этого государственного деятеля и некоторые фактические данные в «Афинской Политии» (25, 1—2) взяты из Клидема, который изобразил Эфиальта вторым Аристидом. Точка зрения Андротioniона должна быть совершенно иной: Эфиальт у него походил на хитрого и беспринципного Фемистокла. Мнение Андротioniона, нигде не засвидетельствованное, должно было совпадать с мнением Эфора, которое известно нам из Диодора. Эфиальт — демагог, подстрекающий народ против ареопага-

тов и убедивший народное собрание умалить права ареопага и отменить славные прародительские установления (Diod., XI, 77, 6). У Плутарха оставили свой след обе версии. Рассказ Андротioniона Шрейнер восстанавливает на основании двух параграфов «Афинской Политии» (25, 3—4), которые он гипотетически возводит к Андротioniону. Последний, по мнению Шрейнера, должен был действовать против ареопага в личных целях, так как ему грозило судебное преследование за задолженные государству деньги (об этом — hypothesis к VII речи Исократа). Шрейнер строит такую гипотезу: имея под рукой «Аттиду» Андротioniона, Аристотель взял из нее только действия Эфиальта против ареопага, но оставил за ним те положительные качества, которыми наделял его Клидем. Не без удивления узнаем мы о том, что в новое время Л. Кьельберг² предложил удалить из «Афинской Политии» гл. 25, 3—4 как интерполяцию. Русские читатели знают из известного труда В. П. Бузескула о гораздо более ранних попытках, сделанных еще в самые первые годы после открытия «Афинской Политии»³.

В разделе, посвященном Периклу (стр. 66—99), Шрейнер продолжает свою прежнюю линию — при отсутствии прямых данных, основываясь только на более или менее правдоподобных допущениях об общей окраске того или иного из трех предполагаемых им источников Аристотеля, он хочет воссоздать полную картину отношений аттидографов к руководителю афинской демократии 40—30-х гг. V в. — Андротioniон, по мнению Шрейнера, предпринимает смелую операцию по оправданию Перикла в том смысле, что последний освобождался от участия в реформе Эфиальта, следовательно, в более ранней историографии Перикл выступал в качестве помощника Эфиальта. Так было, видимо, у Гелланика, от которого подобное представление перешло к Клидему. Ни один фрагмент Клидема не может служить опорой для такого мнения, но если у него борборниками демократии были Тесей, Солон, Писистрат, Клисфен Аристид, Фемистокл и Эфиальт, то к их числу должен был присоединиться и Перикл. Аристотель будто бы следует Клидему, когда он утверждает, что Аристид подсказал Эфиальту мысль лишить ареопаг узурпированных им прав (здесь нельзя не заметить, что этого у Аристотеля в гл. 41, 2 нет); согласно Шрейнеру, Аристид с успехом подстрекал афинян использовать плоды своего господства над союзниками (гл. 24). Ни

² L. Kjellberg, *Strena philologica Upsalensis*, Upsala, 1922, стр. 235.

³ В. Бузескул, «Афинская Полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 426 слл.

один фрагмент Гелланика не относится к Периклу, но Шрейнер все же считает себя вправе построить следующую гипотезу: Перикл был у Геллашика союзником Эфиальта, и от Геллашика такое представление перешло к Клидему. Аристотель же, следуя Андротиону, датировал падение ареопага теми годами, когда Фемистокл был в первый раз обвинен в мидизме, т. е. до его остракизма. Перикл не упоминается в той главе «Афинской Политии», где речь идет об ограничении прав ареопага (гл. 25). Периклу целиком посвящена одна глава — 27, в двух других — 26 и 28 — он просто упоминается. Следуя своей методике, Шрейнер отдает одну из этих глав (26) Андротиону на том основании, что она отличается целостностью, а с Клидемом Аристотель рассматривается уже в одной из предыдущих глав (24) и начал прсматриваться к Фанодему только в начале следующей главы (27 — «а после этого»).

Характерно обращение Шрейнера со свидетельством Аристотеля о том, что в 457/6 г. зевгиты впервые получили доступ к должностям архонтов, и первым был Мнесифид (26, 2). До сих пор никто не сомневался в достоверности этого сообщения. Иначе смотрит на это Шрейнер. Как все данные этой главы, так и упоминание о Мнесифиде заимствованы, по мнению Шрейнера (стр. 78 сл.), у Андротиона; последний не мог найти в списке архонтов-эпонимов указания на матерьяльное положение Мнесифида. Андротгон, пытая антипатию к внуку этого Мнесифида, носившему одинаковое с ним имя и принадлежавшему к числу Тридцати тиранов (Xen. Hell., 3, 2; Lys., XII, 12), пожелал набросить тень на всю семью, причислив архонта Мнесифида к зевгитам, т. е. к не очень состоятельным людям, и тем самым намечая на недавнее, т. е. бесчестное обогащение этой семьи. Всё рассуждение Шрейнера покоится на допущениях, из которых ни одно не имеет бесспорной убедительности: антипатия Андротиона к семье Мнесифида, происхождение Мнесифида-олигарха от Мнесифида-архонта, большие размеры имущества олигарха, невозможность для автора IV в. узнать, кто был первым зевгитом, легально ставшим архонтом-эпонимом.

Пропустим соображения Шрейнера о сузьях по демам (стр. 80—83). Обратимся (чтобы закончить на этом) к его разбору вопроса о законе, закрывшем доступ в афинское гражданство тем, у кого один из родителей не принадлежал к афинским гражданам (стр. 83—99).

Аристотель приписывает этот закон, введенный при архонте Антидоте в 451/0 г., Периклу (гл. 26, 4). Причиной установления такого закона оказывается многочисленность граждан — *δια το πλῆθος τῶν πολιτῶν*, следовательно — стремление ограничить число граждан. Пере-

числив места из афинских и неафинских авторов, отражающие представления афинян об их «благородстве» (*εὐγενεία*) и автохтонности (стр. 83—85), Шрейнер высказывает мысль, что для Андротиона закон был продолжением старинной государственной практики афинян, имеющим прецеденты и являвшимся прецедентом для последующих времен — ограничение доступа к должностям со времен Тесея; пересмотр состава граждан при Клисфеле; Ферамен и его конституция Пяти тысяч; неудавшаяся попытка Формисия (34, 3 и Dion. Hal., Lys. 32); отмена, по предложению Архина, широкого дарования прав гражданства Фрасибулом (41, 2). Закон, по Андротиону, должен был охранять чистоту афинской крови. Аристотель переменял мотивировку закона: у него назначение закона — восстановить нужное соотношение между высшими слоями, терпевшими большой урон во время военных действий, и народной массой. Шрейнер напоминает о том, что в «Политике» (VI, 1319b, 6 сл.) Аристотель говорит об обыкновении демагогов расширять состав гражданства путем наделения правами незаконных сыновей и лиц, у которых только один из родителей принадлежит к гражданам. Такой политике Аристотель противопоставляет то, что следовало бы делать для установления прочной демократии, а именно — присоединять новых граждан с таким расчетом, чтобы низшие слои численно превосходили высшие и средние (вместе взятые), но заходить при этом не слишком далеко, иначе демократия становится более беспорядочной и вызывает раздражение высших слоев населения, что приводит к раздорам в государстве. Нечто подобное должен был иметь в виду аристотелевский Перикл, когда он ставил пределы увеличению численности афинского гражданства. Получается, как отмечает и Шрейнер, последовательность в отношении Аристотеля к Периклу. С одной стороны, Перикл — истинный демагог, который в своих личных целях вводит плату за участие в народном суде (гл. 27, 3—5), с другой, — он проявляет признаки умеренности, к которой Аристотель относится с одобрением (гл. 26, 4; 28, 1). Неблагоприятное освещение деятельности Перикла идет, по Шрейнеру, от Фанодема, благоприятное — от Андротиона. Не слишком ли механически действует, в представлении Шрейнера, Аристотель? В свете того, что мы знаем о политических воззрениях Аристотеля из его «Политики», не может быть ничего естественнее, чем его самостоятельная точка зрения на любого политического деятеля Афин, в частности и на Перикла, который одними сторонами своей деятельности, шедшими вразрез с политикой государственных людей прошлого, отталкивал от себя автора «Афинской По-

лтия», а другими — заставлял Аристотеля отдавать ему предпочтение перед демагогами последующего времени.

В эпилоге (гл. V, стр. 100—103) вкратце подводятся итоги всему сказанному выше. В конце книги — Приложение (стр. 104—111), где рассматривается еще раз закон относительно приема в состав афинского гражданства. Шрейнер склонен принять то толкование закона, какое он приписывает Андротиону, — автором закона был Перикл, закон был принят в 451/0 г. и имел целью охранять чистоту афинской крови. Правда, в ключительной фразе этого Приложения (и всей книги) наш автор пишет: «Будем все же помнить, что источник того времени, когда был принят этот закон, столь скудны, что, очевидно, положительного знания о законе у нас быть не может».

Остается подвести итоги, иначе говоря, суммировать разбросанные в предлагаемой рецензии критические замечания и высказать те большие сомнения, которые, естественно, возникают при чтении труда Шрейнера.

1. Априорное ограничение круга источников Аристотеля тремя «Аттидами» — Клидема, Андротиона, Фанодема — не находит себе убедительного оправдания; при этом более ранняя дата выхода в свет «Аттиды» Фанодема сравнительно с «Афинской Политией» Аристотеля остается недоказанной.

2. Если даже согласиться с общей характеристикой, данной Шрейнером этим трем источникам, то из этого не следует, что по общей направленности произведения можно безошибочно восстановить содержание любого факта внутренней истории Афин каждым из трех авторов. Слишком частые оговорки Шрейнера («по-видимому», «вероятно» и т. п.) только обнаруживают недостаточную крепость его аргументации, а стремление вывести мнения трех аттидографов из данных «Афинской Политии» с той целью, чтобы затем вывести самые эти данные из построенных на их основе мнений (*circulus vitiosus*), не свидетельствует в пользу методики исследования Шрейнера.

3. Следуя за авторами новейших работ,

подрывающих самые основы наших знаний по афинской истории VI и отчасти V в. до н. э., Шрейнер очень свободно приписывает своим аттидографам не только передвижение исторических фактов в довольно широких хронологических пределах, но даже создание самих фактов. Отсутствие у нас данных, подтверждающих сообщаемый «Афинской Политией» факт о допущении первого зевгита к должности архонта-эпонима в 458/7 г., не означает, впрочем, наличия данных, опровергающих это сообщение. Опровержение, придуманное самим Шрейнером, стоит на грани чистой фантастики. Не будет ли более целесообразным и осторожным признать, что существует целый ряд не вызывающих подозрений хорошо датированных событий?

4. Созданные автором рецензируемой книги подпорки для своего построения, вроде закона, по которому каждый историк должен был обязательно опровергать своего предшественника, или правила, согласно которому словесная формула (после этого) указывает на переход от одного источника к другому, оказывается очень удобным орудием для извлечения нужных выводов, но орудием слишком хрупким для поддержания тяжести всей постройки.

Не напоминает ли нам все рассуждение Шрейнера остроумную и занимательную игру с заранее данными правилами? Приняв правила, участники игры тем самым обязуются сообразоваться с ними в своих действиях, находя удовольствие в соблюдении правил и подавляя желание нарушить их. Так и читатели книги Шрейнера, подчинившись его исходным положениям, могут — и не без удовольствия — следовать за ходом его мысли. Однако, подобно проку, отдающему себе полный отчет в условности соблюдаемых им правил, читатель разобранного ученого труда не может отрешиться от сознания условности его предпосылок и понимает, что эти предпосылки очень легко могут быть заменены другими (более надежными), которые приведут к результатам, не похожим на результаты Шрейнера.

А. П. Дзганур